

УДК 94(510;470.5):331.55:316.34/35

КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ В ПРИКАМЬЕ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ: ПРОБЛЕМЫ БЫТА И АДАПТАЦИИ¹

М. С. Каменских

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, г.Пермь, ул. Сибирская, 24
romidortt@mail.ru

На основе не публиковавшихся ранее источников реконструируются обстоятельства приезда, жизни и работы китайцев в Молотовской области в 1950–1960-е гг. Рассматривается социально-демографический облик, выявляются особенности культуры, адаптации и повседневного быта рабочих китайцев из КНР. Китайцы, прожив в СССР, смогли перенять ряд поведенческих установок и обычаев местного населения, сохраняя при этом свое этническое сознание и элементы традиционной культуры. Для принимающего же сообщества они были чрезвычайно интересны своей культурой, которая проявлялась и в сфере труда, и в сфере общения и в повседневном быте. При этом дети китайцев, вопреки мнению, что в браке с китайцем родится только китаец, обрусели уже во втором поколении, сохранив лишь внешние этнические признаки. Делается вывод о том, что на примере советско-китайской дружбы можно проследить пути и модели адаптации китайцев в иноэтнокультурной среде.

Ключевые слова: китайская иммиграция, советско-китайская дружба, аккультурация, этническая культура, межэтнические контакты, историческая память, повседневность.

Период с 1950-х – по начало 1960-х гг. в истории российско-китайских отношений считается временем тесного внешнеполитического взаимодействия, называемого в исторической науке «советско-китайской дружбой» [*Пын Мин*, 1959, с. 268]. Для провозглашенной 1 октября 1949 г. Китайской народной республики СССР являлся ключевым стратегическим и идеологическим партнером в построении в стране социалистической модели хозяйственного развития, а для СССР победа социализма в крупнейшем по численности населения государстве мира могла способствовать утверждению авторитета на международной арене.

Формально дружественные отношения Китая и СССР начались с подписания 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе и взаимной помощи, задавшего вектор в развитии хозяйственно-экономического сотрудничества СССР и КНР. Дополнительно к договору в 1950 г. между странами были заключены соглашения о почтовой, телеграфной и телефонной связи, соглашение о прокате советских фильмов в Китае, соглашение о речном судоходстве и др. [*Советско-китайские...*, 1980, с. 48].

В этот период СССР оказал Китаю беспрецедентную помощь в развитии промышленности [*Экономическая оценка...*, 1967]. Одним из направлений этой помощи стало обучение молодых китайцев на предприятиях СССР. В 1950–1960-е гг. более 11 тыс. китайских юношей и девушек получили образование в СССР, свыше 10 тыс. инженеров, техников, рабочих прошли практику на советских предприятиях [*Советско-китайские...*, с. 49].

Одним из мест их учебы и работы стала Молотовская область, в которую было направлено около 1 тыс. китайских рабочих, 600 из которых – в Молотов, 30 – в Березники. Эта миграция помимо политической и экономической имела этнокультурную составляющую, поскольку появление и постоянное компактное проживание большого количества китайцев в практически закрытом для иностранцев регионе не могло не оказать влияния на местное сообщество.

В рамках данной статьи будут рассмотрены обстоятельства приезда, вклад в экономику, культурные особенности, проблемы быта и адаптации китайцев в Прикамье в 1950-х – середине 1960-х гг.

История труда китайцев в СССР, как и сама эпоха «советско-китайской дружбы», пока не получила должного освещения в историографии. Эта проблематика рассматривается лишь в общих работах по истории китайцев в России [*Ларин*, 2009; *Петров*, 2003; *Лукин*, 2007; *Дацьишен*, 2008] и ряде конкретных публикаций [*Гончаров*, 2003; *Портяков*, 2004]. Как правило, они написаны в новейшее время и их авторы ограничиваются констатацией факта жизни и работы китайцев. Между

тем имеющиеся источники позволяют не только воссоздать социокультурный облик китайцев в СССР в 1950–е гг., но и исследовать вопросы их культурной адаптации, проблемы взаимоотношений китайцев и местного населения.

Основные неопубликованные письменные источники по данному периоду хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Пермского края (ГАПК), Архивного отдела администрации г. Березники, Историко-художественного музея г. Березники (БИХМ). В источниках отложились переписка по поводу приезда китайских рабочих, отчеты администрации треста Молотовстрой в Министерство строительства предприятий нефтяной промышленности (МСПНП) о работе китайцев, справки об отдельных сторонах жизни китайцев в Молотовской области и Березниках.

Среди опубликованных письменных источников можно выделить материалы газет «Звезда», «Березниковский рабочий», «Уральская стройка». Важным источником служат воспоминания Н. С. Хрущева, который в начале 1950–х гг. принимал участие в переговорах между СССР и КНР [Хрущев, 1999].

Кроме письменных источников были привлечены источники устного происхождения: записанные воспоминания китайцев, работавших в Прикамье – Вэй Сибина, Чжан Сифу, Мын Сянлина, Чжан Ляндына, Чжан Юаньсяна и членов их семей (Полевые материалы автора). Данные источники дают возможность выявить особенности советско-китайской дружбы, причины ее стремительного развития и прекращения, а также факты, оставшиеся вне официальных документов.

Решение, позволяющее китайцам трудиться в СССР было принято в начале 1950–х гг. Его принятие Н.С. Хрущев так объяснил в своих мемуарах: «... там (в Китае) существовала большая безработица, мы хотели какое-то количество китайских рабочих привлечь для разработки своих богатств в Восточной Сибири» [Хрущев, 1999, с. 351]. После двухлетних переговоров между СССР и КНР Советом Министров СССР было принято постановление № 815–488 от 26 апреля 1955 г. «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР» [ГАПК. Ф. рассекр. 1084. Оп. 2. Д. 12. Л. 2]. В соответствии с этим постановлением и рядом других заключенных на его основе договоров китайцы должны были прибыть на строительство промышленных объектов в города СССР.

Организация набора рабочих в КНР и направление их на стройки и предприятия в СССР были возложены на Главное управление трудовых резервов при Совете Министров СССР. Для этого при ведомстве было создано Управление по набору китайских рабочих. Также была организована Советско-китайская комиссия по набору китайских рабочих с местопребыванием попеременно в Москве и Пекине. Она занималась собственно наймом и организацией перевозки китайцев.

В апреле 1955 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая официально обратился к СССР с просьбой принять на работу китайцев в тресты Молотовстрой, Казахнефтьстрой, Таймазнефтьстрой, Альметьевскнефтьстрой, трест №2 (Березники), Востокнефтьстрой [Там же, л. 5]. В дальнейшем число принимаемых на работу планировали постепенно увеличивать.

В Молотове китайцев предполагали разместить в поселке Балатово (современный Индустриальный район г. Перми), где находились заключенные ГУЛАГа. МСПНП было принято решение эвакуировать «спецконтингент» и улучшить условия проживания для китайцев. В Акте проверки подготовленности управления Молотовстрой к приему китайских рабочих содержится следующая информация: «По состоянию на 1 апреля с. г. спецконтингент (в марте планируется перевести 3 400 спецконтингента) эвакуирован, и фактическое количество мест для китайских рабочих составляет 5 200 чел.» [Там же, л. 12]. Таким образом, к весне 1955 г. Молотов был готов к приему китайцев.

Судя по воспоминаниям китайцев, на работу в СССР попадали только избранные. Отбор был строгим. Учитывалось здоровье, происхождение, образование, приветствовались служба в армии, членство в КПК и грамотность. «Во-первых, по здоровью проверяли и семейное положение смотрели, кто в семье чем занимается, – сообщил бывший китайский практикант Чжан Ляндын. – У меня отец был коммунист, занимал в деревне пост. Так что по семейным обстоятельствам я хорошо подходил» [Чжан Ляндын, 2007]. Будущему рабочему березниковского треста № 2 Чжан Юаньсяну помогло его происхождение, членство в КПК и служба в армии [Чжан Юаньсян, 2012]. По словам Чжан Сифу, из 6 тыс. шаньдунских китайцев, желающих поехать в СССР, взяли только 300 [Чжан Сифу, 2009].

Сформированную партию из Китая в СССР направили поездом. Вэй Сибин, прибывший на работу в Молотовстрой в 1955 г., отметил, что ехать пришлось несколько суток. Более тысячи человек поместили в несколько вагонов: «Даже не лежали. Если спали, то по очереди. Ни матрасов, ничего не было. Прямо на досках спали, по очереди. Дней где-то пятнадцать, с остановками. Столовые только на больших станциях были. А так в поезде что поесть, так только консервы были. Кабачки, фасоль, – всё консервы» [Вэй Сибин, 2007]. Чжан Сифу, еще один рабочий, рассказал, что его отправили спать в котельное отделение, поскольку он был маленького роста. Иначе бы спать лежа у него не получилось [Чжан Сифу, 2009].

Хотя никто из опрошенных китайцев не сказал, что было тяжело ехать, все признавали, что условия «доставки» были бесчеловечными. Но желание попасть в СССР было сильнее, о чем свидетельствуют представления китайцев об СССР до приезда в страну. И они готовы были терпеть любые трудности. Мын Сянлин об СССР узнал в школе: «Учитель... говорил, что там – Старший брат. Вот учитель говорил, что Старший брат не так, как мы, живет. Я удивился: "А как?". Он говорит (я хорошо помню): "У Старшего брата в магазинах продавца нету". Я говорю: "Как нету? Ведь если человек в магазин зайдет, товар возьмет, рассчитаться надо, правильно?" Он говорит, что Старший брат честный. Он возьмет товар, на товаре есть цена. И все. Около кассы там есть место, он деньги положит, сдачу возьмет и уходит. Я спрашиваю: "Как так, ведь можно сдачу меньше положить и больше взять?". Учитель ответил: "Старший брат не как мы, мы, которые нечестные". Вот об этом у меня на всю жизнь след остался» [Мын Сянлин, 2007]. Во время обучения Мын Сянлин носил значок с символикой советско-китайской дружбы. Свое решение ехать в СССР он помнит хорошо: «В 1952 г. школу закончил, в 1953-м я уже в армию пошел... В 1956-м я вернулся из армии, нам говорят: "Кто желает уезжать в Советский Союз помогать Старшему брату строить коммунизм?". Я думаю – хорошо» [Там же]. Чжан Ляндын также отметил, что ехать хотели все: «Тогда считалось, что Советский Союз – брат. Все молодые хотели сюда» [Чжан Ляндын, 2007]. К моменту поездки в СССР ему исполнилось 18 лет, и вместо армии он, как и многие, мечтал поехать в СССР. Чжан Сифу тоже указал, что слышал об СССР только хорошее. Жить в Китае тогда было очень тяжело, и уехать на строительство коммунизма к «Большому брату» мечтали все. По словам Чжан Сифу, он до пяти лет не видел хлеба, а чувство сытости впервые испытал уже после приезда в Советский Союз [Чжан Сифу, 2009].

Первая партия китайцев в 302 человека прибыла в Молотов 21 июля 1955 г. [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 78], вторая в 300 человек – 5 сентября 1956 г. [ГАПК. Ф. р. 1084. Оп. 2. Д. 17. Л. 2]. В Березники партия рабочих из Китая приехала в марте 1956 г. [БИХМ. Ф. 215. Оп. 4. КП 4697/2]. В Молотове китайцев первоначально расселили в домах по ул. Нефтяников. Потом, когда стали достраивать улицу Качалова, специально для них был построен большой дом. Жители поселка Балатово называли его «китайский дом» или «китайское общежитие». «У нас даже дом, в котором они жили, называли "китайский дом", и "китайская булочная" была, когда я в школу еще ходила», – вспомнила Наталья Завьялова [Завьялова Наталья Чжунсяновна, Кузнецова Нина Федоровна, 2007].

В Березниках рабочие из КНР сами выстроили себе жилье – здание по адресу ул. Карла Маркса, 48. Здесь в общих комнатах проживала большая их часть. Среди местного русскоязычного населения дом прозвали «китайским» или «Шанхаем».

Социально-демографические сведения о китайцах отрывочны. Все прибывшие были преимущественно молодыми людьми. В Молотове, например, приехавшие во второй партии китайцы по возрастным группам делились следующим образом: в возрасте 18–25 лет – 360 человек; 25–30 – 165; 30 и старше – 75 [ГАПК. Ф. р. 1084. Оп. 2. Д. 17. Л. 4]. «Так молодые все были. 18 лет – самый младший, 22–23, а 30 лет уже не было. Все молодые», – вспомнил Вэй Сибин [Вэй Сибин, 2007]. В следующие несколько лет численность китайцев в Прикамье еще увеличилась. К 1959 г. в Пермской области проживало 1010 китайцев, что составляло около 5,3% всех китайцев СССР [ГАПК. Ф. р. 493. Оп. 19. Д. 20].

На китайских рабочих было распространено трудовое законодательство СССР, были предусмотрены «социальное страхование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание, культурно-бытовое обслуживание и организация отдыха, а также все условия оплаты труда, действующие на соответствующих предприятиях и стройках для советских рабочих» [ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 12. Л. 32].

Каждый работник заключал персональный договор с принимающей организацией. Договор

составлялся на русском и китайском языках. Срок работ – не менее трех лет с возможностью дальнейшего продления. Трудились китайцы в основном на стройках. Согласно отчетам в МСПНП период первичной адаптации проходил сложно. «В первое время после приезда у китайских рабочих складывались такие мнения, чтобы как-нибудь провести эти три года и скорее вернуться на Родину, и поэтому они безответственно выполняли свои задания», – сообщалось в отчете об их работе за 1955 г. [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 81]. Чжан Сифу вспомнил, что некоторые китайцы в первые месяцы из-за тяжелой работы и непривычного климата плакали и хотели домой [Чжан Сифу, 2009].

Первоначально для китайцев создавались особые условия, чтобы они могли проще адаптироваться в новой среде. Так, в приказе начальника Молотовского управления строительства МСПНП от 20 октября 1956 г. «О производственном обучении вновь прибывших восточных рабочих строительным профессиям» говорится о необходимости «организовать производственное обучение с восточными рабочими» [ГАПК. Ф. р. 1084. Оп. 1. Д. 201. Л. 257]. За всеми китайскими бригадами были закреплены инструкторы, владевшие передовыми методами труда, которые обучали их профессии. В первые три года бригады формировались только из китайцев, приехавших на второй срок уже распределяли по бригадам. Особое внимание местная администрация уделяла обеспечению питанием китайских практикантов. Как следует из источников, два первых месяца первая группа рабочих питалась в специально выделенном зале столовой № 5 Молотовстроя, где готовилась пища в соответствии с национальными запросами. А в своем обращении к посольству КНР руководство Молотовстроя в конце 1955 г. просило прислать для китайцев «трепанги, арахисовые орехи, соевые овощи, уксус, сою, томат» [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 92].

Что касается зарплаты и материального обеспечения, то они не отличались от средних по предприятию. Родственники китайцев отметили в интервью, что быт их семей был как и у остальных (Норина).

К концу первого года работоспособность китайцев значительно увеличилась. Более высокая трудовая этика китайцев в сравнении с этикой местных рабочих подтверждается и источниками. Так, отчеты Молотовстроя в МСПНП свидетельствуют, что за полгода пребывания в СССР бригады китайских рабочих смогли в среднем в 1,5–2 раза повысить производительность труда. Например, бригада каменщиков Ван Изаня с января по август 1956 г. увеличила производительность своего труда с 87 до 177% [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 61–62, 99–100]. Местные газеты неоднократно сообщали о китайцах, овладевших тремя и более специальностями и занявших важное место в работе своих бригад, а также о китайских бригадах. Наибольшей известностью пользовалась смешанная российско-китайская коммунистическая бригада Н. И. Гудыменко и Лян И [Урал. стройка, 1958, 22 июля]. Березниковец Чжан Юаньсян за первые три года получил квалификацию бульдозериста, шофера и сварщика [БИХМ. Оп. 3. Д. НВ 2110/9]. Китайские бригады, как и советские коллективы, периодически брали на себя повышенные производственные обязательства в связи с праздничными датами [Урал. стройка, 1958, 30 сент.].

В одной из публикаций «Уральской стройки» был описан рабочий день китайцев: «Как бы ни шалила погода, китайские практиканты работали на своем участке, не покладая рук, с тем неиссякаемым энтузиазмом, который присущ китайским коммунистам... Еще не было случая, чтоб кто-то отказался от порученной работы, увильнул» [Урал. стройка, 1959, 30 сент.].

Сами китайцы также отметили, что трудились более упорно, чем местные рабочие. «Так все говорили, что китайцы лучше работают, – вспоминает Вэй Сибин. – Трактор, говорит, все делает. Как тяжелая работа, так всё китайцев посылали. Все время работали. По две смены. Каждая бригада делилась на две части и по две смены работали. За полночь работали» [Вэй Сибин, 2007]. Чжан Сифу подтвердил, что свободного времени хватало только на сон: уходя в 7 утра, китайские рабочие возвращались в общежитие только к 23 часам [Чжан Сифу, 2009]. За хорошую организацию труда в социалистическом соревновании 43 китайских рабочих были удостоены 63 Почетных грамот [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 82].

Китайцы принимали участие в строительстве нескольких крупных объектов г. Молотова – ТЭЦ-6, корпусов нефтеперерабатывающего завода, Гознака, улицы Мира, нескольких домов по ул. Качалова [Урал. стройка, 1959, 30 сент.]. В Березниках при участии китайских строителей были возведены практически все промышленные объекты второй половины XX в., наиболее крупные из которых – новый содовый и новомagneвий заводы.

Однако в целом вклад китайцев в развитие территории, конечно, не был существенным. Их работа носила скорее политическое значение, чем экономическое.

Одной из ключевых проблем адаптации китайцев в рассматриваемый период был языковой барьер. Из источников известно, что прибывшие в 1955 г. китайцы абсолютно не умели говорить по-русски. «На первых порах у практикантов не все идет гладко. Дело в том, что для овладения своей профессией нужно знание русского языка. Приходится одновременно изучать то и другое», – писала в 1957 г. «Уральская стройка» [Урал. стройка, 1957, 18 янв.]. Сами китайцы со страниц газет тоже писали о проблемах первых дней работы: «На работе с русскими рабочими нельзя было толком объясниться, узнать, как делать это – не знали языка» [Урал. стройка, 1959, 30 сент.].

В 1956 г. обучение китайских практикантов русскому языку было обозначено как один из приоритетов. В 1956 г. начальник Молотовстроя сообщал министру, что «многие из прибывших в прошлом году восточных рабочих проявляют большое внимание и изучают русский язык, занимаясь этим предметом при школе взрослых» [ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 2. Д. 17. Л. 6]. Для улучшения дальнейшей работы руководство предприятия просило выделить дополнительно одного или двух переводчиков, прислать китайскую техническую литературу, китайские кинофильмы, чтобы продемонстрировать их один-два раза в месяц, китайские музыкальные инструменты. В справке «О состоянии бытовых условий и производственных условий работы китайских рабочих по Управлению строительства Молотовстроя МСПНП» за 1956 г. сообщалось: «Изучение техники китайскими рабочими несколько усложнено отсутствием специальных учебников и недостаточной подготовкой имеющихся штатных переводчиков» [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 90]. «Сначала было тяжело, – вспоминает Вэй Сибин, – не знаешь, как какой инструмент называется. Руками все показывали. Ходили все, спрашивали: "это как называется, это как называется", все интересно же было» [Вэй Сибин, 2007]. По воспоминаниям Чжан Юаньсяна, незнание языка, отсутствие подготовки серьезно затрудняли работу в первое время [Чжан Юаньсян, 2012].

Для простоты общения китайцам на работе давали русские имена, созвучные с их китайским именем. «У каждого китайца, работающего с нами, кроме своего, китайского, имени было и другое – русское. Они называли себя Юрами, Ленями, Сашами, Мишами, Колями», – сообщала в 1963 г. «Уральская стройка» [Урал. стройка, 1958, 22 июля]. Мын Сянлин процесс получения «второго имени» описал следующим образом: «Меня спросили: "Как тебя звать?" – "Никак". – "А по-русски?" – "Тоже никак". – "Ну, тогда Миша будешь"» [Мын Сянлин, 2007]. С тех пор Мын Сянлин получил русское имя, которое закрепилось за ним в дальнейшем.

Преодолеть языковой барьер на уровне бытового общения китайцы смогли только через два-три года. К началу 1960-х гг. они уже «неплохо изучили русский язык» [Урал. стройка, 1963, 1 окт.]. Однако, по воспоминаниям китайцев, писать по-русски научились единицы, многие не умели писать и по-китайски. В частности, Вэй Сибин, не научившись писать еще в школе, приехал в СССР. Здесь он научился только говорить [Вэй Сибин, 2007]. «Писать не научился. По-китайски умел писать, сейчас уже все забыл. Раньше письма домой писал. Сейчас уже не могу», – отметил Мын Сянлин [Мын Сянлин, 2007].

В источниках отложилось немало информации и о повседневной жизни китайских рабочих.

При всем положительном отношении к китайцам принимающие их организации отмечали их неопытность и проблемы с личной гигиеной. «После приезда китайских рабочих из КНР имелись большие трахомой, туберкулезом, и почти 100% из них страдали глистами», – сообщалось в годовом отчете о произведенной китайскими рабочими Молотовстроя работы за 1955 г. [РГАЭ. Ф. 8897. Оп. 1. Д. 91. Л. 78.]. В докладной записке 1955 г. о бытовых условиях китайцев в г. Молотове говорилось, что комнаты «содержатся в грязном состоянии, грязное белье и верхняя одежда хранятся на сетках коек под матрацами... спецодежда развешивается на вешалках в коридорах при входе в квартиры... кухонная посуда хранится на разных полках в грязном виде» [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 719. Л. 247.]. Были отмечены и факты несоблюдения внутренних порядков общежития [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 83]. Эти культурные особенности отмечались в источниках на протяжении всего периода пребывания китайцев в Молотове.

Еще одной особенностью стала китайская кухня. Сразу по прибытии китайцы начали готовить еду самостоятельно. «Питание у нас было специально для китайцев в магазине, там все продукты были, но мы больше в общежитии ели», – подтвердил Вэй Сибин [Вэй Сибин, 2007].

Китайская кухня пользовалась успехом и у русских, живших и общавшихся с китайцами.

Интерес вызывали прежде всего необычные продукты. «Отец готовил по-китайски. Я помню, когда еще в школу ходила, к нам по 40 человек в гости приходили, и все хотели покушать, – вспомнила дочь рабочего Цзи Чжунсяня Наталья Завьялова. – Мне всегда нравилось смотреть, как он это все делает, переворачивает. Китайская картошка, китайский фарш, грибы китайские белые, черные и т. д.» [Завьялова Наталья Чжунсяновна, Кузнецова Нина Федоровна, 2007]. Людмила Норина рассказала о таких экзотических для советского человека блюдах, приготовленных ее мужем, как редиска с травой и свиным мясом, свиные ножки в сахаре, арбузные корки с мясом и др. [Норина Людмила Григорьевна, 2009]. По ее словам, все эти блюда пользовались большим успехом у друзей.

Многие китайцы в дальнейшем включили в повседневный рацион блюда, которые не были известны в Китае. Мын Сянлин рассказал, что, когда он приехал в Китай, родители были удивлены тем, что их сын ест сырую (соленую) рыбу. «Они говорят: "Как так есть – сырую?" – Я говорю: "Нет, соленую". Они говорят: "Так как не сырую, ее же не варили, не жарили". Я говорю: "Очень вкусно"». Про сало родные Сянлина вообще не слышали [Мын Сянлин, 2007].

По воспоминаниям жен китайцев, готовить, особенно праздничные блюда, мужчины предпочитали сами. Людмила Норина вспоминает, как ее муж, например, растягивал по кухне самодельную китайскую лапшу. Также все опрошенные жены китайцев подтвердили, что в те времена приготовлением еды всегда занимались женщины, и стремление мужей-китайцев готовить постоянно воспринималось как странное.

Китайцев активно вовлекали в общественную и культурную жизнь. Как сообщалось в отчете Молотовстроя за 1956 г., китайцы «посещают центральный клуб в поселке Балатово и просматривают русские кинофильмы и клубные постановки, научились танцевать, и в клубе можно видеть русских девушек, танцующих с восточными рабочими, ведут они себя очень корректно... Все они очень видоизменились, каждый из них за один год работы приобрел: костюм, плащ, часы, многие купили велосипеды и другие вещи. Наблюдая и изучая их быт, следует сказать, что живут они строго по своим заработкам, не употребляя спиртные напитки, 60–70% из всех не курят» [ГАПК. Ф. р. 1084. Оп. 2. Д. 17. Л. 6].

В документах сохранились сведения о том, что в хоровом кружке Молотовстроя занимались 40 китайцев, в танцевальной группе – 25, в акробатической – 18, в кружке плясок – 13. Была организована и спортивная работа. «В летний период в баскетбольной секции приняло участие 120 человек, волейбольной – 31 человек, легкоатлетической – 88 человек. В период зимы китайцы принимали активное участие в лыжных и конькобежных секциях», – сообщалось в записке Молотовстроя о бытовом обслуживании китайских рабочих [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 83]. В местном клубе китайцы ставили традиционную оперу, играли на китайских народных инструментах [Урал. стройка, 1961, 21 февр.]. На областном смотре художественной самодеятельности в 1961 году китайцы показывали «китайский народный танец с палочками» [Там же].

В Березниках 3 мая 1957 г. во Дворце культуры энергетиков прошел вечер китайской молодежи. Программой вечера были предусмотрены выступление китайского хора, показ пекинской пьесы, кино и танцы [БИХМ. Ф. 215. Оп. 2. Д. 17. Л. 1.]. Известно о существовании баскетбольной команды китайских рабочих Треста № 1 [БИХМ. Ф. 215. Оп. 2. Д. 16. Л. 1.].

Работавшие в Молотовстрое китайцы, по их воспоминаниям, старались отмечать все национальные праздники, как традиционные, так и новые: Праздник весны, Лунный праздник, День Народно-освободительной армии Китая (1 августа), День основания КНР (1 октября). Вэй Сибин рассказывал: «Раньше делали концерт, одежды свои надевали, инструменты свои. Начальник даже сам играл на инструментах» [Вэй Сибин, 2007]. Воспоминания сохранились и у детей китайцев. «У меня еще есть фотографии, – сообщила в одной из бесед Наталья Завьялова. – Раньше китайцы на все демонстрации на ходулях ходили. Для русских это, конечно, было в диковинку, а они свою радость празднику так выражали» [Завьялова Наталья Чжунсяновна, Кузнецова Нина Федоровна, 2007]. Таким образом, каких-либо ограничений в удовлетворении своих культурных потребностей китайцы не испытывали. Наоборот, их культурные традиции вызывали интерес, а выступления на торжественных мероприятиях пользовались успехом.

Китайцы охотно шли на контакт с местным населением. Через несколько лет пребывания некоторые из них вступили в брак. В центральном клубе поселка Балатово 30 декабря 1957 г. было, например, сыграно сразу пять свадеб. Брачный союз заключили китаец Лю Вандэ, моторист, герой и ветеран Корейской войны, и Татьяна Вершинина, комсомолка из Сочи; бетонщик Ян Цзивэнь и

разнорабочая Надежда Тонконог; плотник ДОКа Ван Цзимин и работница ЖКХ Анна Седова; бетонщик Лю Сюэфын и плиточница Марта Курганова, токарь АРЗа Гао Чао и фрезеровщица авторемонтного завода Нина Кожина. Следуя китайской традиции, молодожены прикрепили на груди большие красные пионы с алыми лентами. «Этот брак лишний раз свидетельствует о все крепнущей дружбе между двумя великими народами – китайским и русским», – писала «Уральская стройка» [Урал. стройка, 1957, 4 янв.]. Наталья Завьялова вспоминает, что после ряда межнациональных свадеб даже были организованы курсы китайского языка для русских жен китайцев. «На этих занятиях их не только языку учили, про физиологию им объясняли. Почему, например, все китайцы такие маленькие, худенькие. Это мне мама рассказывала» [Завьялова Наталья Чжунсяновна, Кузнецова Нина Федоровна, 2007]. О появившихся в русско-китайских семьях детях писали и «Звезда» [Звезда. 1959. 1 окт.], и «Уральская стройка» [Урал. стройка, 1959, 30 сент.]. Для детей китайцев при учебном комбинате Молотовстроя была открыта специальная школа, где они изучали русский и китайский языки [Урал. стройка, 1960, 15 июля].

В Березниках первыми вступили в брак Чжан Юаньсян и его товарищ Чжан Чуаньсю. На свадьбе, имевшей и политическое значение, присутствовали руководители треста, все китайские строители [Березниковский рабочий, 1957, 1 июля]. Молодоженов практически сразу после свадьбы обеспечили жильем. Всего в Березниках за 10 лет было создано более 20 русско-китайских семей.

Что касается отношений с местным населением, то, судя по отчетам в министерство, конфликтов между китайцами и русскими не было. Во-первых, КНР была внешнеполитическим союзником; во-вторых, руководство Молотовстроя получило задание следить за тем, чтобы труд китайцев был максимально обеспечен. Все это рождало у местного населения лояльное и даже уважительное отношение к китайцам. Так, когда однажды бригада штукатур Чжоу Фын не получила часть зарплаты по ошибке отдела кадров, последовало быстрое разбирательство, и деньги китайцам были выплачены [ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 195]. Всего за время пребывания китайских рабочих в управление поступило четыре жалобы, которые были своевременно рассмотрены, и недостатки, указанные в жалобах (необеспечение фронтом работы, материалами и условиями оплаты), устранены [ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 195].

Однако был и ряд «инцидентов». Через год после проживания в Молотове было решено выслать в КНР двух китайцев – Чжан Гоцзюня и Ван Чена, а государственным органам Манчжурии была отправлена секретная телеграмма с предписанием, «чтобы они выслали своих сотрудников для принятия и отправки их [этих двух китайцев. – М.К.] под народный суд провинции Хэбэй» [ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 279-289]. В письме в министерство от 16 февраля 1956 г. начальник Молотовстроя мотивировал отправку китайцев следующими соображениями: «Чжан Гоцзюнь вел себя недобросовестно, за что имел два общественных выговора на общем собрании китайских рабочих... Из всех принятых мер воспитательного характера рабочий Чжан Гоцзюнь выводов для себя не сделал и продолжал работать по-прежнему плохо... занимался разложением дисциплины среди китайских рабочих, игнорировал распоряжения и указания бригадиров, мастеров, прорабов и вообще руководства, в том числе и руководителя группы китайских рабочих – заместителя начальника Молотовстроя тов. Сунь» [Там же]. Китайский рабочий Ван Чен, как следует из этого же письма, ощутил «недоверие к нему со стороны советских людей. Во время пребывания в больнице 9.12.55 самовольно ушел из больницы в медицинском [больничном. – М.К.] халате, мотивируя свой уход приходом врача к нему не по его немедленному вызову» [ГАПК. Ф. 1084 р. Оп. 1. Д. 201. Л. 279-280]. Были и другие проступки. Так, китаец Дан Годзун однажды избил комбайнера, некоторые китайцы несколько раз пытались попасть в кинотеатр, не купив билетов [РГАЭ. Ф. 8837. Оп. 1. Д. 720. Л. 83].

Однако все эти эпизоды были единичными. Китайцы, по их воспоминаниям, чувствовали себя вполне комфортно, как, впрочем, и в стране [Гончаров, 2003, с. 15]. Такая ситуация была следствием внешнеполитической близости КНР и СССР. Но, после того как с начала 1960-х гг. в отношениях между странами наступил кризис, положение изменилось, что фиксируется источниками. Если в 1950-е гг. регулярно в областной и многотиражных газетах печатались статьи о китайцах, а в годовщину образования КНР газеты выходили со специальными выпусками, то после 1960 г. количество материалов, в которых упоминались китайцы, значительно уменьшилось и они сводились к формальным поздравлениям по случаю очередной годовщины КНР. Более того, в 1963 г. газета

«Уральская стройка» вышла со статьей «Для дружбы нет преград», в которой сообщалось, что один из китайских рабочих, с русским именем Женя, после отпуска привез с собой антисоветскую литературу. Автор публикации обвинял китайское правительство и самих китайских практикантов в предательстве советских ценностей [Урал. стройка, 1963, 1 окт.].

Летом 1963 г. большинство китайских рабочих вернулись на родину. Точная дата этого события неизвестна, но о «недавнем» отъезде китайцев писали местные газеты в начале октября 1963 г. [Там же]. Формальной причиной отъезда было окончание действия второго договора. На нее указывали и сами китайцы, хотя они же признавали, что главную роль в этом сыграло охлаждение отношений между СССР и КНР. В Перми остались жить около 50 китайцев, имевших русских жен и детей. Некоторые семьи из-за необходимости отъезда распались. Чжан Сифу рассказывал, что одного китайца силой заставили отказаться от созданной семьи. Но на вокзале он сбежал из своего вагона и некоторое время прятался у знакомых, а потом вернулся к родным. Когда об этом стало известно, ему разрешили остаться в СССР [Чжан Сифу, 2009]. С 1964 г. местные газеты о китайцах уже не писали. «Кто остался? Те, кто женился, – отметил Мын Сянлин. – А у нас же тогда "культурная революция" была». Он подчеркнул, что семьи китайцы оставляли только с взаимного согласия супругов [Мын Сянлин, 2007].

Оставшиеся в Перми китайцы уже практически не выделялись среди местного населения. Исследователь истории китайцев В. Я. Портяков писал, что после 1966 г. «какого-либо нового притока граждан КНР на территорию Советского Союза не было свыше полутора десятилетий» [Портяков, 2004, с. 42].

Судьба оставшихся в Перми китайцев позволяет выделить модели их адаптации. Практически все они сохранили свои рабочие места и продолжили трудиться даже после наступления пенсионного возраста. Все оставшиеся завели детей и внуков. Их дети, имея «китайские» антропологические черты (разрез глаз, темные волосы), уже считали себя русскими. Наталья Завьялова рассказывает, что отец пытался учить ее китайскому, но она не хотела [Завьялова Наталья Чжунсяновна, Кузнецова Нина Федоровна, 2007]. Китайцы старались поддерживать отношения между собой. Светлана Вэй вспомнила, что ее муж регулярно встречался с соотечественниками, особенно с теми, кто был родом из его уезда [Вэй Сибин, 2007]. Однако за это время практически все связи с родиной у них были утеряны, возможности съездить в Китай тоже не появлялось. Примечательно, что никто из китайцев так и не принял советское и российское гражданство, хотя для многих это означало трудности в оформлении любых документов, а также добровольный отказ от ряда льгот. По воспоминаниям родственников, некоторым китайцам предлагали вступить в партию, чтоб потом публично критиковать политику властей КНР. «Многих уговаривали. Но отец отказался. Так и сказал: "У меня против вас ничего нет, но против своих я тоже не пойду". У него ведь гражданства не было», – рассказала в беседе Наталья Завьялова [Завьялова Наталья Чжунсяновна, Кузнецова Нина Федоровна, 2007].

В 1990–е гг., когда между РФ и КНР снова стали налаживаться отношения, пермские китайцы получили возможность выезжать на родину. Ездили они, как правило, несколькими семьями. В Китае пермские китайцы встречались с родными (со многими не виделись по 20 лет), знакомили с семьями, встречались с теми, кто уехал в 1963 г. Наталья Завьялова отметила, что уехавшие в те годы китайцы, имея навык работы на советских предприятиях, заняли на родине важные посты: «Вот те китайцы, которые уехали в Китай, они же там очень поднялись. Мы когда с папой ездили в Китай, видели, они же там никто не работает простыми работягами. Ниже мастера никто не работает» [Завьялова Наталья Чжунсяновна, Кузнецова Нина Федоровна, 2007].

Пребывание китайцев в СССР в 1950–е гг. является одним из самых малоизученных эпизодов истории китайской иммиграции в Россию. Попадая из бедного, разоренного многолетней войной государства в «закрытое» советское общество, китайцы встречали теплый прием, который часто даже выходил за установленные рамки «дружеских» отношений. Китайцы, прожив в СССР, смогли перенять ряд поведенческих установок и обычаев местного населения, сохранив при этом свое этническое сознание и элементы традиционной культуры. Для принимающего же сообщества они были чрезвычайно интересны своей культурой, которая проявлялась и в сфере труда, и в сфере быта.

Дети китайцев, вопреки мнению о том, что в браке с китайцем рождается только китаец, обрусьели уже во втором поколении, сохранив лишь внешние этнические признаки.

Проанализированный материал позволяет на примере советско-китайской дружбы проследить пути и модели адаптации китайцев в иноэтнокультурной среде. В условиях, когда китайская иммиграция становится проблемой для многих развитых стран, данный эпизод является хорошей эмпирической базой для анализа эволюции этнического самосознания китайских иммигрантов, изучения представлений их потомков во втором-третьем поколении о своем происхождении, выработки политики по адаптации китайцев и вовлечению их в местное сообщество

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 13-01-00072 «Этнокультурные процессы у народов Урала в конце XIX - начале XXI в.»

Список источников

РГАЭ. Ф. 8837. Министерство строительства предприятий нефтяной промышленности (Миннеф-тестрой СССР).
РГАЭ. Ф. 8897. Главнефтеспецстрой Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности (МСПНП) СССР.
ГАПК. Ф. 493. Статистическое управление Пермского областного исполнительного комитета.
ГАПК. Ф. 1084. Строительно-монтажный трест № 7 Главзападуралстроя Министерства промышленного строительства СССР (г. Пермь).
Архив Березниковского историко-художественного музея. Ф. 215. Березниковский магниевый завод.

Полевые материалы автора

Список информаторов:

Вэй Светлана Петровна, 1945 г.р., Вэй Сибин, 1933 г.р. Пермь.
Цзи Чжунсян, Завьялова Наталья Чжунсяновна, 1963 г.р., Кузнецова Нина Федоровна, 1949 г.р. Пермь.
Мын Сянлин, 1935 г.р. Пермь.
Чжан Ляндын, 1935 г.р. Пермь.
Чжан Сифу, 1935 г.р., Норина Людмила Григорьевна, 1940 г.р. Пермь.
Чжан Юаньсян, 1930 г. р. Березники.

Библиографический список

Березниковский рабочий. 1957. 1 июля.
Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения. М., 1980.
Гончаров С. Н. Китайцы в России – кто они // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4.
Дацьшен В.Г. Китайцы в Сибири XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.
Звезда. 1959. 1 окт.
Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.
Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М., 2007.
Петров А.И. История китайцев в России 1856–1917 гг. СПб., 2003.
Портяков В. Я. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3.
Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959.
Уральская стройка. №№ 1957. 4 янв.; 18 января; 1958. 22 июля; 30 сент.; 3 окт.; 1959. 30 сент.; 1960. 15 июля; 1961. 21 фев.; 1963. 12 марта; 1 окт.
Филатов Л. В. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю. 1949–1966 гг. М., 1967.
Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1999.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.04.2012

CHINESE WORKERS IN THE KAMA REGION DURING SOVIET-CHINESE FRIENDSHIP: THE PROBLEMS OF EVERYDAY LIFE AND ADAPTATION

M. S. Kamenskikh

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia
pomidorrr@mail.ru

The essay analyses circumstances of arrival, live and work of the Chinese people in Molotov region in the 1950–1960s. Based on previously non-published documents, archive resources, transcripts of the interviews, the essay reconstructs the specificities of everyday life, social and cultural adaptation of Chinese workers in the USSR. More than 1,000 Chinese workers lived and worked in Molotov region in 1954–1965. Most of them were people of 1935–1940 years of birth from poor peasant families (from Hebei and Shandong provinces) and without education. The life of the Chinese in the USSR in the 1950s is considered to be one of the least surveyed parts of the history of Chinese immigration to Russia. The Chinese workers who had come from poor and devastated by the long-term war country to the “closed” Soviet society were pleasantly surprised by a genuinely warm welcoming, which often crossed the line of mere official political “friendship”. The Chinese, who lived in the USSR, managed to accept a number of behaviorist norms and traditions of the locals without losing their own ethnical identification and traditional culture. Even after 60 years of constant staying in the USSR, they kept the citizenship of their own country, though they could not use social benefits available to the Soviet citizens. For the Soviet society those immigrants were extremely interesting in terms of their culture, which influenced their work, interaction and communication, and everyday life. Many of the Chinese created international marriages and though it was widely believed that a child in an international marriage with the Chinese was always born the Chinese, the children of such unions became truly Russians in the second generation already, resembling the Chinese only in their ethnical features of appearance. It is possible to use Soviet-Chinese friendly relationship as an example for studying the ways and patterns of adaptations of the Chinese in foreign ethno-cultural environment. Nowadays, Chinese immigration is becoming a problem for many developed countries, therefore this example can be viewed as a good empirical basis for analysis of the evolution of ethnical self-identification of Chinese immigrants, for further surveying of the image of their own origins in 2-3 generations, for developing the policy of adaptation of the Chinese and including them into the local society.

Key words: Chinese immigration, Soviet-Chinese friendship, acculturation, ethnic culture, inter-ethnic contacts, historical memory, everyday life.

References

- RGAE. F. 8837. Ministerstvo stroitel'stva predpriyatij neftyanoy promyshlennosti (Minneftestroy SSSR).
RGAE. F. 8897. Glavnepetsstroy Ministerstva stroitel'stva predpriyatij neftyanoy promyshlennosti (MSPNP) SSSR.
GAPK. F. 493. Statisticheskoe upravlenie Permskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta.
GAPK. F. 1084. Stroitel'no-montazhnyy trest № 7 Glavzapaduralstroya Ministerstva promyshlennogo stroitel'stva SSSR (g. Perm').
Arkhiv Bereznikovskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya. F. 215. Bereznikovskiy magnievyy zavod.
Borisov O. B., Koloskov B. T. Sovetsko-kitayskie otnosheniya. M., 1980.
Goncharov S. N. Kitaytsy v Rossii – kto oni // Problemy Dal'nego Vostoka. 2003. № 4.
Datsyshen V.G. Kitaytsy v Sibiri XVII–XX vv.: problemy migratsii i adaptatsii. Krasnoyarsk, 2008.
Zvezda. 1959. 1 okt.
Larin A.G. Kitayskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M., 2009.
Lukin A.V. Medved' nablyudaet za drakonom: Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vv. M., 2007.
Petrov A.I. Istoriya kitaytsev v Rossii 1856–1917 gg. SPb., 2003.
Portyakov V. Ya. Novye kitayskie migranty v Rossii: promezhutochnye itogi // Problemy Dal'nego Vostoka. 2004. № 3.
Pyn Min. Istoriya kitaysko-sovetskoy druzhby. M., 1959.
Ural'skaya stroyka. №№ 1957. 4 yanv.; 18 yanvarya; 1958. 22 iyulya; 30 sent.; 3 okt.; 1959. 30 sent.; 1960. 15 iyulya; 1961. 21 fev.; 1963. 12 marta; 1 okt.
Filatov L. V. Ekonomicheskaya otsenka nauchno-tekhnicheskoy pomoshchi Sovetskogo Soyuza Kitayu. 1949–1966 gg. M., 1967.
Khrushchev N. S. Vospominaniya. M., 1999.